ЛИЧНОЕ ВРЕМЯ

ДМИТРИЙ УСАЧЁВ

Дмитрий Усачёв

Личное время

«Автор»
2026

Усачёв Д.

Личное время / Д. Усачёв — «Автор», 2026

Кажется, ещё один разговор всё исправит. Найдутся слова, после которых тебя наконец поймут. И можно будет жить дальше.Но что, если ответ уже прозвучал — просто ты ждал другого?«Личное время» — повесть о любви, которой мало собственной силы, чтобы услышать другого. И о жизни, которая продолжается, пока мы подбираем слова.

© Усачёв Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Двадцать две минуты 6
Глава вторая. Восточная лестница 9
Глава третья. Нижний слой 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Дмитрий Усачёв
Личное время

Личное время
Как вернуть время, когда ещё было что сказать и о чём спросить?

Глава первая. Двадцать две минуты

— Когда ты говоришь «давно», сколько это?

Сейна убрала руку со стола. На дереве остался влажный след её ладони. Она только что вымыла чашку и не стала вытирать руки: полотенце лежало в раскрытой сумке.

Я мог подать другое. Вместо этого ждал ответа.

— Несколько месяцев.

За окном женщина снимала бельё. Чтобы достать последнюю вещь, ей пришлось встать на ящик. Я видел её каждый раз, но ни разу не дождался, спустится ли она сама или кто-нибудь подаст ей руку.

— До поездки к воде?

— Наверное, до нее.

— Ты сама предложила остаться ещё на ночь.

— Мне там было хорошо.

Она произнесла это без колебаний. Я приготовился спорить с плохим воспоминанием; хорошее оказалось труднее.

— Тогда я чего-то не понимаю.

— Да, — сказала Сейна.

Не добавила: я тоже. Мне хотелось, чтобы мы хотя бы в этом оставались вместе.

На столе лежал ключ, который она собиралась оставить. Я узнавал его по зазубрине: однажды выправлял плоскогубцами. Сейна тогда сказала, что проще заказать новый. Ещё несколько лет мы отпирали дверь этим.

— Я не прошу остаться, — сказал я. — Хочу понять, что произошло.

— У меня нет одного случая, который можно тебе показать.

— Покажи любой.

Она отнесла чашку к мойке и поставила сушиться.

— Мне больше не хотелось идти домой.

Я не сразу ответил. Слова не были ни обвинением, ни объяснением.

— Почему ты не сказала?

— Говорила. По-другому.

— Я мог не понять.

— Мог.

Мне хотелось услышать в этом разрешение. Раз мог не понять — значит, дело поправимо: можно объяснить сейчас.

Сейна отошла от окна. Я заметил, что она мёрзнет, встал и закрыл створку. Защёлка заела. Я приподнял раму и обернулся к ней.

— Вот так надо было и раньше, — сказал я.

— Что?

— Сказать прямо. Что тебе холодно. Что тебе плохо.

— Я сказала, что мне холодно, минут десять назад.

Я вспомнил. Она стояла у шкафа, я спрашивал, что из вещей она оставит. Её слова никуда не пропали; я слышал их и продолжал своё.

— Прости.

Сейна кивнула. Она приняла извинение, и всё осталось по-прежнему.

Мы сели. Между нами было достаточно места, чтобы поставить ещё одну чашку. Я следил, чтобы не наклоняться слишком близко. Мне казалось, если дать ей пространство, она увидит, что со мной можно разговаривать.

— Ты всё ещё думаешь, что я пытаюсь тебя переубедить?

— Я думаю, ты ищешь место, где я ошиблась.

— А если ты ошиблась?

Она устало улыбнулась.

— Я могу ошибаться. И всё равно могу уйти.

Я посмотрел на ключ. Впервые за этот вечер он показался мне просто куском металла. Как будто всё, что мы им открывали, уже не имело к нему отношения.

— Ещё один вопрос.

Сейна взяла сумку за ремень.

— Сегодня больше не могу.

— Только один. Домой — это в квартиру или ко мне?

Она села обратно. Не выпустила сумку.

Я уже знал: сейчас скажет, что не может это разделить. Хотелось остановить её до ответа. Начать с другой стороны, пока слова ещё не произнесены.

Я нажал большим пальцем на внутреннюю сторону запястья.

Сейна замерла. Ремень провис между её ладонью и сумкой. За стеклом женщина так и стояла на ящике, вытянув руку к верёвке.

— Завершить.

В комнате выхода было одно кресло. Второй человек для этого разговора не требовался.

Я снял ленту и проверил длительность: двадцать две минуты. Исходный разговор занимал восемнадцать, от первого вопроса до закрывшейся двери. Сегодня я выиграл четыре.

В протоколе не было поля для того, что произошло с нами за эти четыре минуты.

Остаток личного времени составил час восемнадцать. Я выбрал «Сохранить», убрал предложенное название и написал «Домой». Под ним появились две пустые строки: обстоятельства; реакции. Ни одной правки. Именно это мне пока было важно.

Воду я налил до входа и забыл выпить. Выпил теперь.

Из кармана достал лист. На нём помещались почти все вопросы, которые я задавал Сейне после её ухода. Она отвечала на каждый впервые. Я помнил ответы, мог сопоставлять их между собой, возвращаться на минуту раньше. У неё такой возможности не было.

На свободном краю я написал: «Можно ошибаться и уйти».

Долго смотрел на запись. Потом поставил в конце вопросительный знак.

В коридоре дежурная ела горячую лепёшку над журналом. Увидев меня, прикрыла её листом.

— Не прячь. Я не с проверкой.

Она усмехнулась и протянула планшет.

— Два длинных сопровождения. Подтвердишь?

Я открыл расписание. За них начисляли повышенное личное время. Вечер я обещал Таву: он хотел принести крепление от лодки, которую восстанавливал у себя во дворе.

— Второе до которого часа?

Дежурная показала. До конца вечера.

Я мог отказаться. Никто не заставлял меня работать ради собственных возвращений. Денег на еду и квартиру хватало.

Я подтвердил оба.

У стойки ждала пожилая женщина. В руке держала квитанцию, бережно, как билет, который могут не принять.

— На сегодня осталось? — спросила она.

— Поздно. После девяти.

Женщина покачала головой.

— Он в это время уже спит.

Дежурная открыла рот и закрыла. Женщина сама вспомнила, что часы снаружи не связаны с часами внутри.

— Понимаю, — сказала она. — Всё равно давайте завтра.

Я прошёл к лестнице. На запястье мигал пропущенный вызов.

Тав прождал меня у нижних ворот почти час. Потом оставил крепление под своей лестницей. В сообщении не было упрёка; я прочёл его дважды, пытаясь убедиться.

Набрал: «Задержали».

Стёр последнюю букву, потом ещё несколько. Получилось: «Задержался. Завтра заберу».

На улице открыли пекарню. Я купил лепёшку с сыром и сел у канала. По воде шла грузовая лодка. Человек у кормы помахал рукой кому-то на мосту.

На планшете освободилась комната. Через сорок минут, короткий вход. Можно было начать с поездки к воде. Не разбирать её решение, а спросить о том хорошем дне, который она признавала без оговорок.

Я завернул половину лепёшки в бумагу. Написал Таву, во сколько удобно зайти утром. Потом открыл запись в комнату.

Над подтверждением оставалось моё название: «Домой». Я знал, что возвращаюсь не домой. И всё-таки нажал.

Глава вторая. Восточная лестница

Крепление оказалось тяжелее, чем я думал. Тав завернул его в старую ткань, но острый край всё равно торчал наружу. Я забрал свёрток, не разбудив его, и принёс на работу.

Эмар уже ждал. На коленях лежало пальто: он снял его заранее, чтобы не тратить время, когда позовут.

— Успели подготовить?

— Мы ничего не меняли с прошлого раза.

— Свет у порога оставили?

— Оставили.

Он кивнул. В одном из входов Нима споткнулась на последней ступеньке. Теперь над ступенькой всегда горела лампа. Сам порог Эмар переделывать не позволил.

С ним я работал четвёртый раз. До меня сменилось несколько проводников. В деле говорилось, что клиент плохо принимает новые лица. Я бы написал иначе: ему трудно было снова объяснять незнакомому человеку, как погибла его семья.

Он жил в небольшой стране южного полушария. На снимках над прибрежным городом поднимались резервуары энергоузла. Иста с Нимой поехали за документами в городское управление; Эмар чинил насос в другом квартале. После первого взрыва людей с улицы направили в убежище под управлением. Знак над входом продолжал гореть, когда опоры здания уже были повреждены.

Иста успела сообщить мужу, где они.

В подготовке сохранялись восстановленная восточная лестница, открывающаяся дверь и дорога домой, в непострадавший квартал за каналом. Мы не отменяли аварию. Но выводили семью до обрушения.

Эмар прочитал условия и остановил палец на последней строке.

— Благодарность уберите.

— Исты?

— Она и без вас может меня поблагодарить.

Я убрал поддержку реакции. Он посмотрел на пустое место.

— А если не поблагодарит?

— Тогда не поблагодарит.

Эмар перевёл взгляд на пальто. Я подождал, потом повернул планшет обратно. Он подтвердил.

Перед тем как надеть ленту, спросил, останусь ли я после выхода.

— До конца заказа.

— Здесь. Не там.

— Останусь.

В нижнем проходе пахло мокрой известью. После короткого удара сверху посыпалась пыль. Я придержал Эмара за локоть, пропуская женщину, и пошёл к двери.

Нижний засов поддался легко. Верхний нужно было приподнять: раму повело при первом взрыве. Каждый раз я брался за него чуть левее стёртой отметины.

За дверью спорили дети.

— Я сама тебе дала. А теперь верни.

Эмар подался вперёд.

— Нима?

Я открыл. Девочка сидела на одеяле с коротким плетёным шнуром в руке. Увидев отца, вскочила, но вернулась и сунула шнур мальчику.

— Держи пока.

Он поймал её у порога. Сжал так, что она вскрикнула. Потом начал смеяться, а она возмущённо отталкивала его лицо.

— Ты колешься.

Иста перевязывала кисть пожилой женщине. Мужу кивнула и снова занялась узлом.

Я знал это лицо по материалам дела. На фотографии она стояла отдельно от остальных и прикрывала глаза от солнца. Здесь её трудно было рассмотреть: всё время наклонялась к людям, отворачивалась, что-то искала в сумке.

— Идти можете? — спросил я женщину с повязкой.

Она поднялась. Иста придержала её под локоть.

— В боковой комнате ещё есть.

— Вернёмся за ними. Сейчас освободим лестницу.

Иста посмотрела в проход. Эмар взял её за руку. Она помедлила и пошла с нами.

На середине лестницы он выпустил её ладонь, пропуская раненого. Сразу повернулся искать. Жена была за его спиной, сердито подтягивала сползшую сумку.

— Идите, — сказал я. — Я здесь.

Снаружи было светло. Нима зажмурилась и попросила воды. Эмар стоял у двери, пока Иста сама не позвала его. Я узнал этот поворот головы: он всегда медлил, будто не был уверен, что имеет право отойти.

В исходнике к его приходу нижний путь уже был завален. Затем, пока он бежал к другому входу, обрушилось убежище. В моём заключении стояло: доступа к семье не было. Я сверял время и маршрут перед первым сопровождением. Тогда этого казалось достаточно.

Дорогу до дома Эмар попросил пройти целиком. В прошлые разы мы переходили сразу к ужину.

За оцеплением толпились люди. На мостовой лежало стекло. Нима вздрагивала от грузовиков. Иста спросила дежурного, вывели ли остальных. Он не знал и велел идти дальше от энергоузла.

У дома Иста достала ключ. Эмар протянул руку помочь, но она уже открыла.

Мне поставили тарелку тушёного батата с мясом. Для Исты я был знакомым мужа, помогавшим у убежища. Подготовка объясняла моё присутствие, не требуя от неё знать, зачем этот вечер повторяется.

Нима ела с шумом, пересчитывая мягкие кусочки. Иста попросила не выбирать одно мясо.

Потом она убрала тарелки и вышла с дочерью на ступени.

— Не сказала, — произнёс Эмар.

Я не стал уточнять.

— Вы убрали благодарность.

— Я убрал поддержку.

Эмар отодвинул ужин.

— Раньше она сама говорила?

Я объяснил, что мы не задавали слов. Усиливали готовность выразить определённое чувство. Он выслушал до конца и спросил:

— Она может сказать ещё?

— Может.

Снаружи Нима захихикала. Мне было неловко слышать их так отчётливо, пока мы обсуждали, какая доля сказанного женщиной принадлежит ей самой.

Вечер продолжился. Нима забралась к отцу на колени, шепнула что-то. Он попросил повторить, и девочка прикрыла рот обеими ладонями, чтобы я не услышал. Эмар наклонил ухо.

Потом Нима уснула. Он трижды подходил поправлять одеяло. На третий раз Иста остановила его за запястье.

— Дай ей поспать.

Он вернулся к столу. До выхода оставались минуты. Я посмотрел в сторону двери, предоставляя им то уединение, которое мог.

После выхода Эмар попросил дать ему немного времени. Я договорился с дежурной о соседней комнате для следующего клиента и остался у стола.

Он лежал на боку, не снимая обуви.

— Когда вы открываете, мне всё кажется, что я тоже мог.

— Там восстановлена лестница.

— Я знаю.

Я принялся убирать ленты, но он открыл глаза.

— Вы уходите?

Я положил футляр и сел рядом. Он заснул почти сразу. Я решил побыть с ним.

Проснувшись минут через двадцать, Эмар засмущался и стал надевать пальто, путаясь в рукавах. Я помог.

— В следующий раз вернуть? — спросил я про благодарность.

Эмар посмотрел на стакан.

— Верните. Только не одни и те же слова.

Я записал пожелание. Он задержался у выхода.

— Вы сами слышали, как она смеялась?

— Да.

— Это не вы?

— Нет.

Он кивнул и ушёл.

Я проверил начисление за сопровождение. Теперь хватало на длинный личный вечер. Под столом лежало крепление. Я достал его, чтобы наконец измерить, и увидел, что ткань прорезана острым краем.

Перевернул свёрток другой стороной.

Потом открыл список собственных вопросов. Только ответила бы она на один вопрос до конца.

Глава третья. Нижний слой

Креплению требовались две пластины, а не одна. Я измерил расстояние между отверстиями и нарисовал Таву, где оставлять запас. Он прислал фотографию заготовок. На заднем плане виднелась чашка, которую он считал потерянной.

Я обвёл её и отправил обратно.

«Это другая», — ответил он.

У неё был тот же отбитый край. Я не стал доказывать. Написал, что приду вечером.

Перед личным входом убрал лист в шкаф. Ничего из написанного уже не нужно было вспоминать.

Сейна пыталась застегнуть сумку. Загнувшийся конец ремня не проходил. Я протянул руку, но остановил её на полпути.

— Помочь?

Она отдала мне ремень. Я выправил конец и продел в пряжку, не затягивая.

— Всё положила?

— Не знаю. Наверняка что-нибудь забуду.

Мы оба посмотрели на шкаф. Сейна села. Я оставил сумку рядом с ней.

— Вчера ты говорила…

Она подняла голову.

— То есть раньше, — поправился я. — В другой раз. Ты сказала, что стала меньше мне рассказывать.

— После мастерской, наверное. Тогда я это заметила.

Она взяла чашку и обхватила ручку так, чтобы не задеть скол.

Я помнил тот вечер. Но она начала с места, которое я успел забыть.

— Я просила посмотреть из дверей. Ты помнишь рисунок?

Рисунок проступал при движении.

Сейна делала настенные ткани: белые нити лежали поверх серых, и с одной точки образец казался почти пустым. Стоило пройти мимо, серый слой сдвигался относительно белого, появлялись полосы. Она называла это глубиной. Я называл двойной работой и думал, что говорю комплимент.

Заказчик предложил убрать нижний слой и напечатать полосы. Сохранялись размер, цвет, сумма становилась меньше, но всё ещё позволяла ей работать несколько месяцев.

Сейна принесла папку домой, разложила образцы на полу. Пальто не сняла. На листе с расчётом две строки обвели и написали новую цену.

Я взял самый светлый образец.

— На нём почти не видно разницы.

Она молча забрала его, прижала к стене и попросила меня встать в дверях.

Я прошёл. Серый край вытянулся из-за белого.

— Ещё раз, — сказала Сейна.

Я прошёл обратно. Она засмеялась.

— На большой стене будет видно от лестницы. Человек ещё не вошёл, а рисунок уже меняется.

Она говорила про человека, которого не знала. Кто-то поднимется, повернёт голову и увидит то, что она придумала в нашей комнате. Её радость не требовала ни согласия мастерской, ни моего участия; мне было предложено посмотреть.

Я уже сел рядом с расчётом.

— Можно сделать один слой. А двойной потом показать в другом месте.

Сейна ещё держала ткань у стены. Я помню её поднятые руки: она ждала, что я пройду снова.

Я не прошёл.

Потом позвонила её знакомая из другой мастерской. У неё перекосило полотно. Сейна велела поднести работу к окну, но по экрану не смогла разобрать и достала собственный тёмный образец.

— Не распускай. Нижнюю кромку покажи.

Я спросил про ужин. Она кивнула, потом покачала головой: я не понял, что означал первый кивок. Поставил её тарелку на кухне.

Они долго разговаривали. Наконец знакомая что-то сделала правильно. Я услышал, как обе смеются, хотя видно мне было только лицо Сейны.

Вечером я позвонил человеку, принимавшему её работу. Рассказал, что возможен компромисс. Он обрадовался и попросил принести новый образец.

Сейна спросила, какой именно я согласовал.

— Пока никакой. Я выяснил возможность.

— Я просила не звонить.

— Я же не подписал за тебя договор.

Она собрала ткань с пола. Лист с меньшей суммой остался под столом. Поднять его я почему-то постеснялся.

— Я видел, сколько ты работаешь, — сказал я теперь.

— Знаю.

— Мне хотелось, чтобы это не пропало.

— И я знаю.

В её голосе не было насмешки. Она помнила хорошее намерение. Защищать его больше было не от кого.

— Ты потом туда не пошла.

— Нет.

— Из-за меня?

Сейна подумала.

— В том числе. Мне и раньше не хотелось. А после звонка нужно было ещё объяснять, почему я отказываюсь от того, о чём ты уже договорился.

Я посмотрел на свои руки. Они умели править крепления, освобождать засовы, собирать сломанные вещи. Я привык, что после моего вмешательства хотя бы что-нибудь работает лучше.

— Тогда я должен был просто оставить всё как есть?

— Ткань — да.

Она улыбнулась, впервые за разговор.

— Тарелку можно было оставить поближе. Я потом ела холодное.

Я тоже улыбнулся. Мне стало легче, и почти сразу захотелось спросить, не поздно ли подвинуть эту тарелку теперь.

— Ты могла бы…

Я остановился.

Сейна подошла к мойке, сполоснула чашку. Вода текла дольше, чем требовалось. Я слышал её, как слышат шаги человека, которого ждут: каждое движение казалось началом возвращения.

— Я ведь сама перестала рассказывать, — сказала она, не оборачиваясь. — Решала заранее, что ты ответишь. Ты иногда ничего ещё не сделал, а я уже сердилась.

Я хотел подхватить это признание. Оно многое объясняло в мою пользу.

Сейна вытерла руки о край полотенца, который оставила снаружи сумки.

— Но я больше не хочу проверять, как могло бы быть.

— Даже теперь?

— Для меня сейчас не «теперь». Я давно в этом живу.

Я забыл. За моими плечами были многие разговоры, за её — месяцы, о которых она пыталась рассказать в одном.

Она забрала сумку. Исправленный ремень застегнулся с первого раза.

— Нам было хорошо? — спросил я.

Сейна остановилась.

— Было. И я тебя любила. Я не собираюсь от этого отказываться.

Мне хотелось сохранить фразу целиком. Она уже собиралась выйти, когда я понял, что пытаюсь мысленно заменить в ней время глагола.

Лента согрелась под рукавом, предупреждая об остатке. Я запросил продление. Отказ: следующая запись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.